

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

СТО ТЫСЯЧ ЗАПОВЕДЕЙ ХАОСА

Мечты сбываются. И чудеса случаются. И все знают, что стоит только очень сильно захотеть – и вот оно, долгожданное счастье! Откуда же берутся препятствия? Почему вдруг рушится мир, так искусно выстроенный?

Галина Марковна Артемьева

Сто тысяч заповедей хаоса

Серия «Будьте счастливы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6115183

Артемьева Г. Сто тысяч заповедей хаоса : роман : Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-66148-0

Аннотация

В жизни – как на автотрассе: ты можешь ехать без прав и без правил, обогнать всех и успеть к цели раньше. Но при этом рискуешь однажды разбиться насмерть.

Героиня Галины Артемьевой Майя до тридцати шести лет старалась жить, как живет большинство женщин: раннее замужество, ребенок. Потом – обман со стороны мужа, развод с ним, одинокая жизнь оскорбленной женщины. Но судьба готовит Майе испытание, которое заставит ее пересмотреть прежние взгляды и принять новые правила...

Содержание

Майя	4
1. Шепот у изгороди	4
2. Как просто – уйти с работы	6
3. Первая, вечная и бесконечная...	8
4. «Давай делиться!»	17
5. Я получаю инструкции	19
6. Ежи	29
7. Сегодня и вчера	38
8. Планы и правила	47
9. Медитация	54
10. Почему этого не может быть никогда	58
11. Страшный экзамен	61
12. История любви	65
13. Непутевые	71
14. Наши с Юлькой приключения	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Галина Артемьева

Сто тысяч заповедей хаоса

*Боги не могут взять на себя страх человека.
Теодор Адорно*

Майя

1. Шепот у изгороди

– Не поворачивайтесь в мою сторону и не отвечайте. Просто слушайте, что я сейчас вам скажу. Делайте вид, что ничего не происходит.

...Что за бред меня всюду настигает? Не спрятаться, не скрыться! Даже тут! Хотя... Юлька меня предупреждала, когда я вселялась, что в соседнем доме за изгородью из колючего кустарника живет чокнутая баба. Юлька так и сказала:

– Не обращай на нее никакого внимания. Она не злобная совсем. И не буйная. Лечилась в психушке, это верно, но тут никто не застрахован. Это с ней еще в Москве приключилось. Она к мужу на улицу через балкон побежала. С третьего этажа. Потому как дома у нее из-под подушки вышла кры-

са и заговорила с ней за жизнь. Привет, мол, скучаешь одна?
– Обкололась-перенюхалась? – поинтересовалась я тогда.
– А вот представь себе, что ни то ни другое. Есть болезнь. Маниакально-депрессивный психоз. Сама же знаешь. По-настоящему, без всякого смеха больные люди. Их лечат. Какое-то время живут как все. А потом опять... Случается. У кого что. У нашей соседки – крыса. Всяко бывает. Но представь: муж ее очень любит. Сюда из города переехал с ней жить. Помнишь, дом какой с нашим по соседству? Одноэтажный! Если крыса снова припрется с ней разговаривать, она через окно на газон прыгнет – только и всего, без проблем.

– Везет же некоторым! Муж любит – за просто так, такую, с крысой в анамнезе... Дом для нее строит... Оберегает...

– Ты, главное, ничему не удивляйся. Так-то она вполне нормальная, добрая. Клубнику нам свою приносит, смородину, яблоки. Дружелюбная. И муж нормальный парень. Но он на работе все время. А она тут его ждет на свежем воздухе. И мало ли чего ей взбредет в голову. Так что ты лучше дистанцируйся. А то потом во что-нибудь втянешься. У тебя такая планида.

– Все поняла, – кивнула я тогда.

А чего мне было тогда не кивать? Мне Юлькино предложение свалилось на голову, как манна небесная. Оно меня спасло, как только чудо может спасти.

2. Как просто – уйти с работы

Я на тот момент только-только ушла с работы. Тоже – разве нормальный человек вот просто так, ни с того ни с сего, уйдет с хорошей работы? А я ушла. По собственному желанию. А если детальнее, по целому ряду идейных соображений, если их можно назвать идейными.

Работала я много лет редактором известной ТВ-программы и наконец не вынесла. Вот ничего не вынесла: ни плохо скрытой рекламы, которую впаривают доверчивым домохозяйкам под видом горячий о них заботы, ни много чего еще, о чем теперь и вспоминать незачем. К тому же обстоятельства личные накатили. Влюбилась не ко времени. И чтобы разлюбить, надо было хотя бы не видеть каждый день на работе горячо, но напрасно любимого. А не встречаться не получается, когда работаешь вместе.

Никаких заначек на случай черной полосы жизни у меня не имелось. Рассчитывать могу только на себя, к чему вполне приспособилась. Не знаю теперь, по какой причине мне казалось, что я рассчитала все правильно, когда подавала заявление об уходе. Дальнейшие действия виделись мне в тот момент логичными, разумными и даже вполне практичными. Сдаю свою двушку в центре, сама снимаю какую-нибудь однокомнатную халупонь на окраине, на разницу между ценами за эти два помещения и живу. Я одна – мне хватит, что-

бы дух перевести и обдумать планы на будущее. Мне в тот момент это казалось делом первостепенной важности, потому что я слишком долго жила без планов и желаний. Вернее, они имелись, мои сокровенные желания, конечно же, как не быть? Но приходилось их душить, топтать, загонять поглубже... Такая жизнь...

И вот когда я уволилась и нашла приличных жильцов в свою прекрасную недавно отремонтированную квартиру, и оставалось лишь подыскать вариант подешевле для себя, позвонил муж. Ну, то есть – бывший муж... То есть – очень-очень давно бывший... А именно – восемнадцать лет назад переставший им быть. Ровно столько, сколько теперь нашему с ним сыну.

3. Первая, вечная и бесконечная...

Бывают такие дуры, которые в восемнадцать лет уверенно выходят замуж по единственной, вечной и бесконечной любви. А беременеют и того раньше. Потому что в определенный момент жизни и девушки, и юноши оказываются временно без мозгов, а им-то кажется, что мозгов ужеросло более чем достаточно.

Вот и мне так казалось. Я была просто железобетонно уверена, что знаю все лучше всех. Ну если не всех, то уж лучше мамы – это стопроцентно. Не возникало у меня на тот момент никаких сомнений в том, что у нас с Максом настоящая вселенская всепоглощающая любовь.

А кто бы думал иначе? В меня влюбился самый красивый и перспективный парень школы! От одной этой мысли голова шла кругом. А какой он был нежный, трепетный со мной! Я что, гранитный утес? Разве могла я остаться равнодушной? Между нами такие электрические разряды пробегали, что даже целоваться казалось страшно. Мы так целый месяц и проходили, гуляя, – рядом, но боясь взяться за руки.

Потом поцеловались... У меня тогда чуть сердце не остановилось совсем. Месяца два мы привыкали целоваться. Заходили в наш или его подъезд и целовались часами. Никакой другой возможности уединиться не было: у меня мать готовилась к защите докторской диссертации и вечно торча-

ла дома, у него родительница – вообще домохозяйка.

Но в марте, на последних в нашей жизни школьных каникулах, повезло нам несказанно: родители моего любимого полетели на неделю в Париж с Максовым младшим братом. Звали и старшенького, ясное дело, но он сослался на то, что не может себе позволить такую роскошь, должен готовиться к экзаменам. Что ж, причина уважительная, согласились родители и улетели в город своей мечты и любви. Но вся любовь, похоже, досталась нам.

Мы дорвались друг до друга, совершенно потеряв способность соображать. Мы не думали ни о чем и не боялись ничего. Вообще.

Экзамены? Да тьфу! Дурацкие пустяки!

Кто-то застучает? Ну – это никак невозможно. Некому.

А что еще?

Я один раз рыпнулась беспокоиться по поводу беременности – а вдруг? И Макс зашептал мне на ухо:

– Любимая, маленькая моя, единственная! Ничего не бойся. Я с тобой и всегда буду с тобой. Ничего не будет. Иди ко мне. Иди... Вот так...

Конечно, он был со мной. И я, разумеется, совершенно ничего не боялась. Два взрослых человека, которые по-настоящему любят друг друга и верят друг другу – чего им бояться, скажите на милость? И, между прочим, мы иногда предохранялись. Но не всегда. Бывали такие моменты, когда подступало... И тут уж никак... Просто не до того. Только

успевай друг к другу припасть.

И Макс шептал, что я его женушка на веки веков. И что никто и ничто нас не разлучит. Я соглашалась. Никто и ничто. А как же иначе?

Я за ту неделю похудела на семь килограммов! Ну да, мы не ели ничего почти. Не до того было. Знали же, что кончатся каникулы, вернутся его предки, и что потом? Мы хотели получить друг друга впрок... Устать друг от друга. Так, чтоб тяга хоть немного ослабла. Но куда там! Устать никак не получалось. Дома-то я сказала, что еду с подружкой с подготовительных курсов в пансионат, чтобы заниматься вместе. Мать звонила подружке, та все подтвердила: «Да, пансионат, да, заниматься».

Я обещала звонить (мобильных тогда практически ни у кого еще не было) и звонила исправно два раза в день, утром и вечером. Хорошо, что не вошли в обиход определители телефонных номеров. Так что никаких подозрений не возникло.

И чувствовали мы себя так, словно оказались совсем одни на всем белом свете. Собственно, ничего больше, как оказалось, в жизни людям и не нужно. Только быть рядом, и чтоб никто не лез.

Зачем все эти институты, вся эта зубрежка, если счастье – вот оно. Стоит только глянуть на любимого, улыбнуться ему, а он уже хватает тебя в объятия, целует, прижимает, ласкает, нянчится, как с младенцем... Блаженство. Так вот ради чего

люди появляются на свет. Чтобы найти свою половинку и соединиться. И все! На этом все. Остальное – вторично. На остальное – плевать.

Что мы тогда творили! И как были счастливы! Иногда, чтобы дух перевести, давали обещание не смотреть друг на друга. Просто лежать, глядя в разные стороны. Или закрыв глаза. Полежав так с полчаса, мы пугались, что все наше счастье нам приснилось, поворачивались в панике, чтобы удостовериться: вот они мы, рядом... И начиналось...

Как мы оба ревели, когда пришла пора «возвращаться из пансионата»! Стояли у него в прихожке и ревели, как малолетки. И никак не могли расстаться, отпереть эту надежную дверь, что скрывала нас от всего мира семь счастливых дней.

– Давай поженимся, – отчаянно произнес тогда Макс. – Вот как школу закончим, так сразу и поженимся. Давай?

– Давай, – рыдала я. – Только как до этого дожить? Ведь это еще целых два месяца ждать – если до последнего звонка. А если до выпускного, то три месяца. Я не доживу.

– Нет, после последнего звонка поженимся, – убеждал меня любимый. – До выпускного я сам скончаюсь от жажды.

Мы почему-то не думали, где будем жить, и вообще – как и на какие средства станет проходить наша совместная жизнь. Ну неделю же жили на верху блаженства. И ничего нам дополнительно не требовалось! И не ссорились, и все желания совпадали! Так и будет. А где – это вопрос десятый.

...Домой я ввалилась, испугав своим видом мать.

– Тебя что там, не кормили? Выглядишь, как бухенвальдский крепыш, – схватила она за голову.

– Кормили, мам. Но мы все время зубрили. Увлечлись, – вяло отбивалась я.

– Ты, конечно, человек ответственный, понимаю, но доводить себя до такого состояния перед экзаменами – просто преступление.

– Ладно, мам. Зато с толком провела время. Столько всего нового выучила!

И ни капли лжи не было в моих словах.

Да, то время я провела с толком! Еще с каким. И действительно – нового выучила немало.

Как мы жили потом? Страшно вспомнить. У нас не получилось остаться наедине – никак. Мы никогда прежде не думали, что это такая проблема: побыть двум любящим людям друг с другом – хоть пару часов. Казалось, весь мир ополчился против нас.

Раза три удавалось запереться вдвоем в классе после уроков. Вызвались готовить стенгазету к последнему звонку, классная на радостях велела на вахте давать нам ключ от кабинета, когда бы мы ни попросили. Что интересно: газету мы действительно делали! Старались изо всех сил. И целовались, целовались... Ничего больше... Чтобы в родном классе затеять что-то еще – такое даже в голову не приходило. Это было бы как-то... некрасиво, что ли. Неэстетично. Ну,

если взглянуть со стороны. Любовь же так прекрасна! И все в любви должно происходить как в чудесном сне... Мы оба это понимали. Но – просто быть вдвоем, клеить детские фотки одноклассников на ватман, придумывать смешные подписи к ним – уже казалось невероятным счастьем...

А что дальше?

Дальше просто. На выпускном сочинении я упала в обморок. Закружилась голова, я подняла руку, чтоб попроситься в туалет, меня отпустили, я встала... А очнулась от запаха нашатыря...

– Бедные детки! – сокрушалась медсестра. – Такие нагрузки! Каждый год одно и то же, каждый год и сознание теряют, и кровь из носа идет... Волнения...

Не чувствовала я никакого волнения на сочинении. Нечего мне было волноваться. Я за все школьные годы за письменное творчество ниже пятерки ни разу не получила.

Потом началась постоянная утренняя тошнота, и тут уж я что-то заподозрила.

В общем, мы с Максом расписались сразу после получения аттестатов зрелости. Родители, естественно, испытали шок. Понятное дело: моим будущим свекрови и свекру еще два года оставалось до сорока. Не готовы они оказались к внукам. Но – удар держали. Шутили. Говорили, что они и сами долго не тянули в свое время. Обещали помогать всегда и во всем. Моя мать какое-то время не верила, считая, что я так глупо шучу. С чего она взяла, что у меня возникнет же-

ление пошутить на тему свадьбы и беременности, непонятно. Первая моя попытка сообщить ей об интересном положении происходила так.

– Мам, мне надо с тобой серьезно поговорить.

Мать трещала на своей пишущей машинке, погруженная в создаваемый текст...

– Ма-ам...

– Говори, говори, я все слышу...

– Мам. Я выхожу замуж...

– Говори, говори... Я все слышу...

– Что ты слышишь?

– «Я выхожу замуж»... Говори, я тебя слушаю...

– Мам!!! Я о себе сейчас сказала: «Я выхожу замуж». Слышишь?

– Ага... Слышу... Ты о себе сказала... Ой! Ха-ха-ха! Ты сказала: «Я выхожу замуж»? О себе? Ха-ха-ха! Майка! Ну все, отвлекла... Ну – я слушаю... Что ты хотела сказать? Давай, валяй...

– Я тебе все сказала. Только что.

– Про замуж... Я слышала. Ну – все. Давай, о чем речь?

– Мам, речь именно об этом. Я беременна и выхожу замуж.

На мать напал неудержимый смех.

Она заливалась, как ребенок, уверенная в том, что я стараюсь шокирующей новостью просто привлечь ее внимание.

– Вот, дожила, – произносила она сквозь смех. – Дожи-

ла... Дочь тесты на внимание устраивает...

Я тогда разозлилась и ушла, хлопнув дверь. Странное пошло время: во мне независимо от меня росло что-то новое, а отношения, казавшиеся самыми важными и незыблемыми, рушились с полпинка... Я ведь прежде гордилась тем, как мы общаемся с мамой: доверительно, по-дружески. Я доверяла ей, а она вполне могла доверять мне. Но вот именно тогда я ощутила, что сосуществуем мы, как бы это сказать... параллельно, что ли. Забот у матери со мной никаких и не было. Никаких проблемных периодов, все спокойно, ровно. Она занята своим делом, я своим.

В общем, она оказалась не подготовленной к моим горячим новостям. Однако вникнуть пришлось. С третьего раза. И тут она неожиданно повела себя совершенно по-новому, не как спокойный, слегка ироничный человек, а как заполошенная тетка. Откуда-то у нее нашлись ужасные слова... «Подонки сломали тебе жизнь, решая свои сексуальные проблемы», «Кому ты будешь нужна с привеском?», «Он собирается сесть мне на шею»...

Невесть из каких глубин материнской души извергались дикие крики про жилплощадь, про лишней рот...

Сейчас-то я понимаю: мать просто получила душевную травму от неожиданности и выкрикивала свою боль, сама толком не понимая, о чем поет. Это были обрядовые народные причитания, так я понимаю теперь. Сказалась генетическая память. Тени далеких предков подсказали слова и на-

пев.

Но тогда... Тогда мне казалось, что пропасть пролегла между нами.

Как-то она все же взяла себя в руки... К счастью, умудрилась не нахамить Максиму... Свадьба состоялась. Легкая такая юная свадьба: мальчик с девочкой в школьных выпускных нарядах. Удобно получилось: никаких затрат. Колечки серебряные, шампанское и пирожные, и мы, слегка напуганные простым и беспрепятственным осуществлением нашей мечты...

И зажили мы долго и счастливо. Целых полгода. У моей бабушки. И так бы и жили, если бы...

Вот на этом «если бы...» я и спотыкаюсь все последующие годы...

4. «Давай делиться!»

...Пожалуй, лучше вернуться в настоящее. А в нем – вот что. Позвонил бывший муж и нежно предложил отныне делить расходы на сына пополам. До этого он благородно оплачивал все, что требовалось сыну, чтобы учиться в городе Лондоне. А сейчас у него затруднения. Ну-у-у... не то чтобы очень серьезные...

– Я, понимаешь, женюсь, – собрался с духом отец моего сокровища.

– Поздравляю собравшись... Только как мне платить? Я с работы ушла. У меня обстоятельства.

– Майка, и у меня обстоятельства, понимаешь? У других людей тоже бывают обстоятельства...

Это он намекнул на мой эгоизм. Он не раз мне заявлял, что расстались мы из-за моего детского слепого эгоизма.

– Ладно. Валяй. Женись. Совет да любовь. Я как раз квартиру сдаю. На эти деньги жить собиралась. Но буду отсылать. Я ж не зверь какой. Понимаю. Семья – святое.

– А сама где жить будешь?

– Разбираюсь с этим вопросом. Ладно. Чего уж... Спасибо...

– Работать вообще не хочешь?

– У меня проблемы. Я должна отойти, Макс. Не волнуйся, Егорка будет получать ровно столько, сколько получал.

Злиться на Макса я не имела никакого права. Парню нашему исполнилось восемнадцать. По закону – никто ему ничего не должен. К тому же Макс все эти годы давал мне на сына больше, чем я могла от него ожидать.

– У моего сына будет все, – так он объяснял.

И не женился за эти восемнадцать лет ни разу.

Я так привыкла, что Макс не женат, что в любой момент подскочит, когда требуется побыть с Егоркой...

Нельзя быть эгоисткой...

Значит, так. Если я большую часть от арендных денег буду отсылать сыну, мне останется на комнату в коммуналке – в лучшем случае. Ни еда, ни бензин не предусмотрены при таком раскладе.

Вот я и позвонила Юльке. Мы когда-то вместе поступали в мед. Вместе и поступили. Я так и закончила лечебный факультет, а Юлька перевелась на фармацевтический. У нее жених к тому времени образовался надежный. Владелец сети аптек. Она решила, что пригодится ему именно со своими лекарственными знаниями.

Я надеялась, что у Юльки с мужем может оказаться какая-то подработка для меня. Очень небольшая. Только на скромное питание и чуть-чуть бензина для моей малышки.

5. Я получаю инструкции

Юлька сначала очень сухим и чужим голосом сказала, что перезвонит, потом позвонила с незнакомого номера и назначила мне встречу в скверике у Первой Градской. Странное место для встречи.

– Ничего, разберемся, – загадочно произнесла подруга, прощаясь. – Там лавочек много, погода хорошая...

Встретились на лавочке. Юлька, как обычно строго-элегантная, к тому же в шелковом платочке и темных очках, как для езды в машине с открытым верхом, выглядела как героиня шпионского фильма.

Она громко и театрально произнесла:

– Ой! Я, кажется, забыла закрыть машину. Пойдемте посмотрим.

Я даже оглянулась, чтобы посмотреть, к кому еще, кроме меня, она обращается. Никого вокруг не оказалось. И тогда я смекнула, что Юлька играет в какую-то игру, затеянную не для меня. Но я должна подыграть.

– Пойдемте, – ответила я ей ровно, будто чужой.

Юлька засеменила на высоченных шпильках к машине. Я поплелась за ней. У машины мы остановились. Юлька открыла дверь и воскликнула:

– Ах, какая же я растяпа! Опять забыла запереть!

Потом каким-то резким, но незаметным движением она

выхватила из моих рук сумку и сунула ее под сиденье, показав мне глазами: «Молчи!»

Захлопнула дверь, нажала на брелок, фары мигнули: «Все в порядке, шеф».

– Пойдемте посмотрим нашего больного, – проговорила Юлька церемонно и громко, словно я страдала глухотой.

– Пойдемте, – покорилась я.

Мы прошли несколько корпусов. Юлька глазами показала мне: «Следующий наш». И мы, влившись в группу студентов, оказались в больничном здании.

Тут мы когда-то бывали. Еще на первом курсе. Заходили навещать Сашку Леснина. И он повел нас курить через другой выход. К тому самому выходу сейчас направлялась Юлька. Шагала она хоть и семеня, но уверенно, как у себя дома, никто и не спросил, к кому мы и куда. Сразу видно было: человек проходит как хозяин.

В итоге мы оказались у небольшой калитки в заборе, которая оказалась не запертой. Вот только миновав эту калитку, Юлька заговорила нормальным человеческим голосом.

– Уф, порядок! Береженого и бог бережет!

– Что происходит, Юль?

– Сейчас все расскажу. Давай отойдем подальше. Ты не пугайся. Это я на всякий случай.

– А сумку мою зачем отняла? У меня там ключи от машины, паспорт...

– Ничего с твоим паспортом не будет. Это я чтоб телефон

твой за нами не таскался.

Юльку я знала очень хорошо. Более рационального человека я на своем пути не встречала. Что с ней такое происходит? Впрочем, на свой вопрос я тут же сама себе и ответила. С Юлькой происходит то же, что со всеми нами. Выживает. Приперло – вот и крутится. А что еще можно подумать? У людей бизнес. Деньги водятся. Стало быть, кому-то наверняка захотелось, чтоб ребята поделились нажитым. А значит, накрылась моя работа. Юлька б наверняка помогла. Без выкрутасов.

– Ты не думай, я в своем уме. И все вроде пока почти спокойно. Но – пока. Я на всякий случай. Чтоб тебя не подводить и поболтать обо всем. Давно хотела тебе позвонить, кстати.

Мы сидели в маленькой уютной кафешке, до которой минут пятнадцать шли молча и целеустремленно.

– В общем, ты, наверное, уже догадалась: нас прижимают. То есть тучи пока только сгущаются. Мы все просчитали и поняли: пора удочки сматывать. Все. Поиграли мышки в бизнес, теперь кошки на их место намылились. Всех денег не заработаешь. И, судя по опыту окружающих, главное – вовремя соскочить. Кое-что имеем. Завтра владельцами наших предприятий станут другие люди. Завтра завершается сделка. И потом, через неделю, я улетаю. Далеко и надолго. Тьфу-тьфу-тьфу. Ты молодец, что сына вытащила. А я все

на что-то надеялась... В общем, ясно, да?

– Ясно, Юль, – тяжело вздохнула я. – Может, помощь какая нужна?

– Да вроде справляемся. Мы на опережение решили срабатывать. Давно огляделись и поняли: как только первые звончки прозвенят, сворачиваемся. Жаль, конечно, сил много положили на все, но... В общем, работы у нас никакой нет для тебя, Майка, но помощь могу предложить. Хочешь в моем загородном доме жить?

В Юлькином загородном доме! Нет, она так и не поняла, в какой финансовой пропасти я нахожусь. Иначе б разве предложила такое? Трехэтажный огромный домина с участком в гектар... Эх, когда-то мы такой компанией к ним набивались! И Егорка мой... Как все ломается, меняется у нас быстро... Не за что душой зацепиться...

– Так хочешь или не хочешь?

– Юль, тут не вопрос желания. Возможности нет у меня. Я ж объяснила: с работы ушла. Двушку свою сдаю. Егорке должна половину содержания переводить. Макс женится.

– А ты что? Думаешь, я тебе сдавать дом собралась? Ну ты даешь! Я тебе предлагаю: живи в нашем доме. Тебе хорошо – платить ни за что не надо. Только за электричество, телефон и Интернет. Дров во флигеле лет на пять запасли. В подвале еще уйма сухих поленьев – это для зимы, чтоб из дома не выходить. Ну – это детали. Я тебе все расскажу. Ключи отдам. Напишу доверенность на проживание в доме,

чтоб без вопросов, если что. И дому хорошо, не так грустно. Чего ему одному стоять, бедному. Как тебе вариант? Подойдет? Поможет?

– Юлька!

Я таращилась на подругу, молитвенно сложив руки на груди. Разве я могла мечтать о чуде? А оно произошло! И так просто. «Дам ключи и живи»! Кто-то посмеет сказать, что это не чудо?

– Давай слушай сюда. Все детали обговорим, чтоб потом не возвращаться. Ты помнишь, как проехать и все такое?

– Ну Юлька! Ну – сколько раз я у тебя была! О чем ты говоришь?

– КПП наш липовый помнишь, стало быть. Я там предупрежу. Ты поедешь, первый раз-другой покажешь мою бумагу, если спросят, но они будут знать, в принципе. Номера букашки своей скажи мне, я им оставлю.

– Спасибо тебе, Юль!

– Подожди «спасибо». Ты приедешь, дом не узнаешь.

Тут Юлька тяжело вздохнула.

– Там ничего больше нет. Вообще. Мы все-все увезли. И картины, и ковры, и мебель... Мебель старинная... Что оставлять в пустом доме? Все в Москве. Там хоть зимой топят. Но в спальне у тебя будет кровать. Белье в гардеробной – увидишь, полотенца... Да, кухня еще. На кухне все осталось. И плита, и камин, и стол, и стулья, и лежанки.

– Так мне больше ничего и не надо.

– Дом добрый. Он тебе будет рад. Нигде мне так спокойно не спалось, как в моем любимом домике... Но – ничего не поделаешь...

– А может, зря вы все затеяли? Ложная тревога, а? Бывает...

– А если к нам нагрянут и обнаружат у нас огромную партию фальсификата вместо жизненно важных лекарств? Знаешь, на сколько тогда я со своим домиком разлучусь? И куда отправлюсь? И какая вернусь?

– А вы что? Вы – фальсификатом... – зашептала я в ужасе.

– Никогда, – вздохнула Юлька. – Уж это можешь мне поверить. Мне таких денег не надо. Никогда! Потому-то и испугались. Стали в последнее время кое-что странное предлагать поставщики. Лекарства известных фирм за две трети прежней цены. А так не бывает. Ну, мы и отказались. Учужали, чем дело пахнет. А на нас *обиделись!* Понимаешь, что это значит? Это значит, что в любой момент нам поставят такие препараты, за которые можно загребеть далеко и надолго. И тогда... Вот только тогда... Решили – все. Сейчас продадим. Уедем. Гора с плеч... Потом, может, лет через пять, когда все обиды на нас пройдут, вернемся... Родные места посмотреть. Поняла?

– Ясно, Юль. А если они туда нагрянут? В дом ваш?

– Понимаешь, я потому все и вывезла подчистую, что, если вдруг что – там сразу станет видно: нигде ничего. Сама увидишь. Пустота. Но нагрянуть не должны. Потому что

смысла в этом никакого. Мы ж больше не владельцы. Дела на нас никакого не завели. Мы превентивно, так сказать... А если вдруг с вопросами какими и приедут, то так и скажи: попросили пожить, чтоб дом не пустовал. Но – не думаю, чтоб до этого дошло.

– Не думаешь, а как шифровалась только что!

– А зачем просто так подставляться? Сейчас техника знаешь какая?

– Какая, Юль, техника?

Юлька во время этого нашего разговора иногда смахивала на героиню шпионского фильма, никак я не могла отделаться от веселящего ощущения, что передо мной разыгрывают какое-то самодеятельное представление.

– Техника какая? Для наблюдения и прослушивания, – словно прочитав мои мысли, ответила подруга. – Кто его знает...

Да, кто его знает... Кто его знал... Не могла я себе в самом страшнейшем сне представить, что Юлька с мужем сбегут из страны. Не преступники, надежные трудяги. А сбегают. И правильно. Не сидеть же...

– Юль... А можно... Можно я собаку заведу?

Я давно мечтала о собаке, но в моей двушке – какая собака? А тут мы бы вдвоем зажили за милую душу... Вот бы счастье!

Но полнейшего счастья не бывает.

– Нет, – отказала Юлька. – Ни в коем случае. Я не успе-

ла договорить. Ни собаки, ни гостей... Никого. Это ты мне должна обещать. Я твоему слову поверю. Сама знаешь почему. Я не хочу к дому привлекать внимание. Никакого. А собака будет лаять... А гости – ты же не всегда знаешь, с кем имеешь дело. Даже если думаешь, что знаешь... Чужие люди могут озлобить дом. Он изменит свой дух. Понимаешь? А я надеюсь вернуться. Поэтому – только ты.

– Обещаю, – сказала я тогда.

Я поняла ее. У дома тоже есть душа. Это точно. Я и сама думала, что после чужих в моей квартирке стены могут расхотеть мне помогать... Все правильно, что уж говорить. Юлька меня спасала сейчас. И конечно, я принимала все ее условия с благодарностью.

– А с соседями – общайся. Ну мало ли чего. Только знай...

Тут-то Юлька и рассказала про тех, кто живет справа, если стоять лицом к дому, и про тех, кто слева.

– Левые года два назад, а то и меньше, дом купили. Там до них семья жила, уехали, продали все, прямо как мы сейчас. А заселились муж с женой, жизнелюбы. Праздник у них за праздником. Каждый день музыка, шашлыки, гости. Нас звали все время. Я один раз только была. Вадик заглядывал иной раз, говорил, хорошие люди. Но мне не до того все это время было, сама понимаешь. Короче, не удивляйся, если что. Хотя там все мирно проходит. И до тебя не очень будет доноситься. Дымком только от шашлыков пахнет...

Правые – это как раз обитатели одноэтажной виллы, по-

строенной мужем так, чтобы жена не разбилась, выпрыгивая в окно от крысы.

Я тогда думала, что интересная компания у меня подобралась. Не заскучаю.

– Да, чуть не забыла, – оживилась Юлька. – Там, в подвале, спустишься – и дверь направо. Свет у двери включается. Там – запасы. Ешь все что захочешь. Чем больше, тем лучше. Варенья-соленья. Я все запасала каждое лето – ну, для гостей, ты ж помнишь, как мы там гуляли. Все боялась, что вы у меня оголодаете. Так что тебе одной на несколько лет хватит.

Юлька даже не понимала, как меня выручает.

– Ты там смотри не заскучай. Что делать-то будешь? Там зимой безвылазно сидеть – с ума сойдешь.

– Ничего. Мне полезно. Отойду. Планы на жизнь пересмотрю. Соберусь с духом.

– Не знаю. Я одна не люблю. Как-то сразу ничего делать не хочется... Ладно, теперь детей возьмусь рожать. Тоже веселье.

– Это тебе давно пора, Юль. Не знаю, чего ты тянула...

– Всем пора, если так посмотреть, – вздохнула Юлька многозначительно. – А у нас были реальные причины не спешить. Ты всего не знаешь. Ну что? По коням?

...По дороге к «коням» мы молчали, соблюдая конспирацию. Грустно мне было, хотя полагалось радоваться.

Через день я уже стала полноправной обитательницей Юлькиного родового гнезда.

6. Ежи

– Слушайте внимательно, только не отвечайте. Это очень важно. Вы должны знать и отнестись серьезно, – шепот из-за кустов звучал вполне зловеще, как в хорошем триллере. На ночь бы смотреть не стала – мороз по коже.

Хорошо, что сейчас раннее утро солнечного летнего дня. Веселое светлое время. И не до пустых страхов.

Я присела на корточки с полным пакетом молока и, переливая его в миску, стоящую на травке, постаралась спокойно, без малейшего смеха в голосе, произнести:

– Я слушаю.

За кустами от моей невинной реплики поднялась паника. Словно большая испуганная птица, лишенная возможности взлететь, закопошилась в ветках.

– Ничего не говорите, *они* читают по губам!

Вот бедняга-то! С утра ее прихватило! А муж наверняка уже на работу укатил. Он обычно ни свет ни заря уезжает, чтоб до пробок успеть.

Я решила, что надо выглядеть ласковой, спокойной и уверенной. И еще – лучше не разубеждать, а подыграть. Вот несчастная больная женщина мне сейчас выложит свою важную информацию, я на полном серьезе приму к сведению – и все.

– Я говорю, не двигая губами, *они* не увидят, – старательно

промолвила я.

Получилось у меня, конечно, не ахти: «Я гаарю, не дыгая гу-ами». Навык ослаб. Столько лет без тренировки...

Одна из любимых игр детства: слежка, шпионы, погоня... Мы тренировались говорить без «губ», чтобы глухонемые не смогли на расстоянии по движениям рта прочесть важную информацию, которой мы как раз обменивались. Тут главное – уметь быстро находить подходящие слова. А подходящие – это те, в которых не содержатся «губные» звуки. Или, если есть такие, то по минимуму. Вот как сейчас у меня получилось.

Моя собеседница поняла меня мгновенно и очень обрадовалась. Шепот ее зазвучал значительно веселее:

– Хорошо, что вы поверили мне. Вы не думайте, это не фантазии. У меня сейчас все в порядке. Я здорова... Это важно. Для вас важно.

– Ясно, – ответила я предельно четко и тихо. – А *они* не читают сейчас то, что вы говорите? (В этот раз я могла почти гордиться собой: мне многое удалось выговорить с неподвижными губами, не искажая произношения, только в конце фразы напортила: «то, что ы гаарите» – это, конечно, брачок, но ничего, поднаторею еще, какие наши годы...)

– Я закрыла рот шалью, – с готовностью ответила моя тайная доброжелательница. – Мое лицо *им* практически не видно.

Вот оно что! Подготовилась, стало быть, заранее... С ко-

стюмами и декорациями... И что мне теперь делать?

Была у меня тут одна радость, и той лишает судьбина. Не разрешила Юлька заводить собаку, нельзя звать гостей... И вот – появились у меня друзья. Сами собой. Волею судьбы, матери-природы.

Через несколько дней после благополучного переезда в загородную резиденцию подруги я услышала ночью шаги под окнами. Шаги и шумное дыхание. В первую ночь я решила, что мне кажется все это после городской суеты, и благополучно уснула снова. Во вторую ночь, проснувшись от звука чужих шагов, я уже не позволила себе так думать. Дважды – не кажется. Дважды – это уже некая система, реальность, с которой необходимо считаться. Я рывком открыла окно спальни. Лучше уж столкнуться с опасностью лицом к лицу, чем бояться неизвестно чего. Тем более на окнах решетки, а железные двери я исправно закрываю на ночь на серьезные засовы.

Никакой маньяк, бродяга, убийца и исполнитель ночных серенад не предстал перед моим строгим взором. Никого у окна не было. Только все равно – слышались шаги и пыхтение. И тогда я глянула вниз. Свет из окна позволил легко различить «группу товарищей», нарушившую мой мирный сон. Три крупных ежа, сопя, возились в траве, видимо, деля какую-то добычу. Я не могла ими налюбоваться! Как хорошо, что я никогда не даю разыграться воображению! Иначе

просидела бы под одеялом остаток ночи, дрожа от страха. А тут – такая мирная идиллическая картина. Добро пожаловать, дорогие гости!

Я метнулась на кухню, отделила от капустного кочана несколько листьев, быстро порвала их в клочья и бросила моим ночным рыцарям:

– Держите, ребята! А утром приходите за дом, туда, подальше. Я молочка принесу и вкусенького всякого.

Ежи зыркнули блестящими глазками из-под колючих чешуек в мою сторону и энергично подбежали к дарам.

Есть контакт!

Засыпала я, улыбаясь. Заведутся теперь у меня друзья-приятели. Главное, чтоб они поняли, где именно назначила я им место встречи. Но ничего, голод не тетка. Найдут, если захотят. Подружмся. Разговоримся...

Я даже не особо удивилась, удостоверившись, что ежи с пунктом питания разобрались в кратчайшие сроки.

Так начались мои утренние и вечерние визиты в дальний угол участка. Я поставила там миску для молока. Другие продукты я выкладывала ежам на листе лопуха: у леса, в который я ежедневно отправлялась на прогулку, на поляне росло много удивительного размера лопухов.

Дел сразу прибавилось.

Я с детства люблю жить по расписанию. Я так больше успеваю. И хотя на работу мне теперь спешить не надо было, кормление ежей к кое-чему обязывало. Во-первых, мо-

локо, во-вторых, творожок, в-третьих, овощи – все это теперь полагалось иметь – хочешь не хочешь. Себе я могу сказать: «Знаешь, подруга, мне чего-то лень ехать в магаз... Обойдешься сегодня без кофе с молоком». Обещание, данное другим, полагается выполнять, что бы ни было. Иначе и друзей растеряешь, и себя уважать перестанешь.

Теперь по утрам я, проснувшись и на автомате почистив зубы, брела в ежиный угол. Наливала молоко в миску, усаживалась на травку... Долго ждать не приходилось. Дружья мои солидно вышагивали ко мне, кормилице, и принимались за еду. Их было трое – неизменно. И я все силилась понять: семья они, папа, мама и дочка (сынок), как в сказке про трех медведей? Или три товарища, как у Ремарка? Или – три чеховские сестры, вполне довольные жизнью в деревне и в Москву не стремящиеся? Ответов на свои вопросы я, разумеется, не получила. Но решила, что самый крупный, агрессивный и напористый еж – наверняка глава их стаи (или стада). Он всегда подходил к молоку первым и фырчал на своих спутников, если пытались его опередить. Но это происходило лишь в первые минуты, потом все у них решалось мирно. Они грызли капусту и морковку, совершенно не опасаясь меня. А я с ними разговаривала. Задавала вопросы про «кто есть кто», на которые они и не думали отвечать. Делилась планами на день. Ежи иногда поглядывали на меня, но есть не переставали. Привыкли. Вечерами я спрашивала у них, как прошел день. И, не получив ответа, рассказывала о сво-

их делах. И возникало ощущение, что хорошо и полноценно пообщалась с надежными собеседниками. Не сдадут, не насплетничают. Гарантия абсолютная.

Но я же не знала, что за колючим кустарником выше человеческого роста может находиться кто-то, кому мои рассказы слушать гораздо интереснее, чем ежам.

Неужели моя соседка слышала все мои откровения? Меня прямо в жар бросило.

– Вы приходили сюда и подслушивали? – почти крикнула я в ту сторону, откуда раздавался шепот.

Теперь я не сдерживалась и не подбирала слова – пропало желание играть. Держал бы лучше соседский муж свою сумасшедшую в доме. А то ведь вынюхивает... выслеживает...

– Нет, что вы, – послышался горячий испуганный шепот. – Я один только раз, месяц назад наверное, проводила мужа утром и ходила по участку... Услышала ваш голос тут... и не могла понять, с кем это вы говорите. Вы спрашивали: «Как ночь прошла, как дела вообще?» А в ответ только фырканье. Ну, я присела на корточки и заглянула... Один только раз. И увидела ваших ежей. Вот и все. И потом я каждое утро видела, как вы из дома выходите, идете сюда, несете им еду. Вы мне понравились. Но я никогда не подслушиваю.

Голос дрожал.

Мне стало стыдно. Зачем зря на человека напала? Перепугала ее. Она, может, просто поговорить захотела? Но зачем тогда эти тайны, шифровки? Можно же просто заговорить...

– Ладно, ладно, хорошо, – поспешно сказала я, опять стараясь не шевелить губами. – Так что, вы говорите, случилось?

– Вы вчера уехали, а потом, вскоре пришли два человека. Мужчины. Они сначала стояли у ворот. И я им крикнула, спросила, кого они ищут. А они только отмахнулись. И вошли к вам на участок.

– Как это «вошли»? – не поверила я. – Я же ворота закрыла...

– Да. Но они постояли-постояли, а потом оказались на участке. И двинулись к дому. Я пообещала им, что вызову милицию. Но они все равно пошли в дом. И были там какое-то время. Недолго. Минут двадцать. Или меньше даже.

У меня почему-то быстро-быстро забилося сердце. Я понимала, что все ерунда и просто не может быть. Хотя... Почему же? Юлька-то вон – сбежала... И из дома все вывезла. Почему же не может быть? Но – с другой стороны – все тут знают, что я просто приглядываю за домом. Никакого отношения к хозяевам не имею... Неужели она не выдумывает?

– А... какие они, эти люди? – выдавила я из себя вопрос.

– Вполне обычные. Не страшные. С рюкзаками. Не с туристическими, а с такими... городскими рюкзаками... Красивыми. Я просто хотела вам сказать... Предупредить... Чтoб запирались получше. Ну и просто – чтoб знали. Может, они что-то украли?

– Да нечего в этом доме красть. Вообще. Юля все-все вы-

везла – сами видели, наверное. Дом совсем пустой. А у меня – ни денег, ни вещей ценных. Только лэптоп. И мобильник. Но все недорогое... И потом... Ничего не пропало. Комп как стоял на кухне, так и стоит... Все спокойно, никаких следов.

– Я не знаю, что это было. Но они приходили. Поверьте. И просто – учтите. Если что – приходите вечером, с мужем моим посоветуйтесь.

– Спасибо, – вздохнула я. – Неудобно занятого человека беспокоить.

Мы попрощались.

Я уселась на траву в ожидании ежей. Они-то ни в чем не виноваты. Привыкли тут питаться. Сейчас подгребут. Шеф с охраной. Так я про себя называла эту троицу. Самый крупный и суровый еж к еде подходил первым и злобно огрызался на спутников, если те позволяли себе ухватить облюбованный им кусок. Мне казалось, что я даже различаю их физиономии. У ежа-шефа походка отличалась мужицкой степенностью, выражение глаз – суровостью. Серые колючки отсвечивали рыжиной. Один из сопровождающих был суетлив и остроморд, а другой кругленький, за что я и прозвала его Колобком.

Сегодня и у ежей происходило что-то странное. Шеф, Шустрик и Колобок приближались не в обычном порядке. Впереди двигалась свита, а начальник... Я его даже не признала поначалу. Подумала было, что новый какой-то това-

рищ примкнул... Лапы у Шефа казались гораздо длиннее, чем обычно, и сам он будто похудел, подтянулся, осунулся. Только глазки по-прежнему сурово зыркали в разные стороны. Шеф шел медленно, но фырчал злобнее обычного. И тут до меня дошло!

Никакой это не еж-мужик! Это ежиха! Я помогла ей выносить ежат! И они – ура – родились!!! Наверняка лежат где-то в гнезде и ждут, когда мама придет и накормит. А когда они обрастут колючками и откроют глазки, ежиха приведет их сюда! Наверняка приведет. Интересно, сколько их?

Вот ведь жизнь! Сколько всего происходит – само собой. И мы со всем этим связаны. Можем помочь. И это один расклад. А можем и не помочь. Им-то от этого, может, и не так уж плохо сделается. А мы себя радости лишим...

7. Сегодня и вчера

И так вот я сидела, радовалась ежам, они хрупали, тревожно на меня поглядывая. Я довольно быстро догадалась, что они-то привыкли к тому, что я разговариваю, а сегодняшнее мое молчание их пугает.

Пришлось произнести речь. Конечно, ничего сокровенного. Некоторые размышления о том, как изменился мир и люди.

«Представляете, ребята, – говорила я ежам, – мы живем в такое время, когда ничему нельзя удивляться, ни на что нельзя реагировать. Что бы тебе ни грозило, какую бы «приятную» новость тебе ни сообщили, ты должен переживать незаметно, внешне изображая полное равнодушие и благополучие. Как будто так и надо. Ни тебе руки заломить в ужасе, ни в обморок упасть... Только посмеются. А грохнешься в обморок, никто и не отреагирует, не примется в чувство приводить. Подумают – поскользнулась девушка. Ничего, встанет, оклемается. Или, решат, наркоманка психическая. Упала, пусть лежит – тут ей и место».

То ли дело в прежние времена.

Жила бы я, например, в Англии, допустим, в начале XIX века... Звали бы меня Мэри Джейн. Ну – как-то так. И вот приехала бы я погостить в имение своей богатой подруги, с которой вместе учились в частном пансионе. Подруга с

мужем и тремя детьми отправилась в кругосветное путешествие, а мне предложила располагаться в их великолепном доме, гулять по бесконечным аллеям огромного парка и ни о чем не беспокоиться. Энджой, как говорится, пока нас нет...

Ну, я наслаждаюсь на всю катушку. Пишу ежедневно длинные письма друзьям, гуляю по бескрайним лесам и полям, составляю букеты полевых цветов, плету венки.

Что еще там полагалось делать? Ах да...

Музицирую. Пою протяжные песни под собственный аккомпанемент. Меня ж в пансионе должны были этому научить... Вечерами вышиваю панно. То есть – занята по горло. Слуги, кстати, остались при доме, естественно. Убирают, пыль вытирают, подают мне изящно сервированные завтраки-обеда-ужины... Но слуги – это так...

В общем, я совершенно одна. Ой, забыла. Я еще читаю романы. «Клариссу», кажется, полагалось бы мне читать. Любуюсь зарей... Характер у меня сильный, но девичий. Девичью честь я берегу пуще oka и вообще – пуще всего на свете.

И вот бреду я по очередной тенистой аллее с книжкой, полной засушенных цветов (на каждой странице по цветку)... Прекрасна и стройна... Как лань... Иду, естественно, легкой походкой, глубоко задумавшись. О чем, кстати, они тогда задумывались? Просто интересно... Надо вернуться к этому моменту... Но позже... А сейчас – иду это я – стройная, с прямой спиной, с легкой улыбкой на устах и нежным румянцем на ланитах... Вот ведь какое слово-то было – ла-

ниты! Так сразу и видишь утонченную натуру... Румяные ланиты – это что ж? В переводе на наш общепринятый: красные щеки... Фу-у-у-у... Оставлю ланиты...

Гуляю... Думаю только о прекрасном. О! О том, какой узор я сегодня стану гладью вышивать. Какие нитки подберу... Это вполне приличные мысли для образованной и скромной английской девушки, надеюсь.

И вдруг... Ну да... Все самое интересное подкрадывается незаметно и вдруг... Чу! Слышен топот копыт издалика...

Мое сердце трепетно забилося в груди... Кто бы это мог быть? Какую весть несет одинокий всадник?

И вот он уже рядом. На прекрасном вороном коне. Сам – прекрасный! Одет – прекрасно! Глаза – м-м-м – прекрасные... Костюм, сапоги для верховой езды, цилиндр, перчатки... Все выдает в нем джентльмена.

Я прижимаю к груди томик с засушенными цветами. Что ждет меня? Что готовит мне судьба? Ах...

Вот всадник уже спешилсЯ... Ведет коня под уздцы. Идут ко мне... Я трепещу от невыразимого волнения.

– Простите, я напугал вас. Я ваш сосед, мое имя – Сент-Джеймс, Гарри Сент-Джеймс, к вашим услугам...

(Тот самый Сен-Джеймс, о боже, о Май Гад, ОМГ!!! – богатый холостой сосед со странностями...)

– Смит, мисс Смит, Мэри Джейн, – бормочу я заплетающимся языком.

Мне же уже дурно. Так полагается...

– Простите, я напугал вас, мисс Смит... Я, право, не хотел...

Сэр Сент-Джеймс приближается ко мне с выражением глубокого огорчения на прекрасном лице.

Мои ланиты бледны как мел.

– Простите... Но я... Я должен... Я обязан известить вас, мисс Смит, о том, что вчера вечером видел двух всадников. Они приближались к границам вашего поместья. Я счел необходимым проинформировать – как сосед и просто честный человек. И вот я здесь!

И что мне делать прикажете? Рыдать? Неприлично. Сказать: «А чё такого-то? Ну – всадники... Пусть...» Сказать «Спасибо, до свидания»? Ага! И он вскочит на коня и ту-ту... Цок-цок-цок... И снова гуляй по аллеям. А уже август... И скоро станет ветрено и сыро... Естественно, дур нет.

Я делаю шаг навстречу благородному соседу.

– Ах...

Теряю сознание. Погружаюсь в глубокий обморок.

Сэр Гарри (естественно) подхватывает меня на руки. Я ничего не чувствую... Совсем... Не чувствую, как он бережно прижимает меня к своей сильной груди... Не слышу, как бьется его сердце в унисон с моим...

Я прихожу в себя от долгого поцелуя. Пошляк тот, кто думает о губах или – того хуже – персях. Для такого рода ласк надо сочетаться узами брака, предварительно оговорив

все детали материального толка...

Прекрасный Сент-Джеймс целует меня в ланиту!

Я медленно открываю глаза... Обвиваю его сильную шею своей слабой рукой. Перстами касаюсь его прекрасно уложенных волос...

— Позвольте... Позвольте, мисс Смит, быть вашим защитником навеки. Будьте моей женой! Я... Я полюбил вас, как только завидел вашу стройную фигурку среди вековых деревьев. Вы так беззащитны и юны...

— Ах, — выдыхаю я и для верности снова теряю сознание.

— Позвольте мне распорядиться о завтрашней свадебной церемонии, — едва слышу я робкую просьбу возлюбленного.

— О да, — соглашаюсь я и погружаюсь во мрак.

Моя тонкая натура не в состоянии выдержать столько новостей сразу: и весть про посторонних всадников, и любовь с первого взгляда, и поцелуй, запечатленный на моей ланите, и грядущее бракосочетание...

Потом все как в прекрасном сне... Свадьба. Фата... Я переезжаю в огромный замок, по сравнению с которым дом моей одноклассницы кажется ветхой избушкой. И аллеи у нас с Гарри длиннее... И незнакомцы к нам не приближаются: пусть только попробуют.

Я по-прежнему вечерами вышиваю свое панно. Гуляю по аллеям с книгой в руках. Я нежна и трепетна. Я могу захворать от простого дуновения ветерка.

Супруг приходит ко мне в опочивальню вечером, чтобы

согреть меня в своих объятьях. Теперь он имеет право на все! Даже мои перси принадлежат ему – согласно заключенному договору. Как-то незаметно для себя я – ровно через девять месяцев после свадьбы – произвожу на свет двух чудесных карапузов. Рожала я их, видимо, в глубоком обмороке, потому что очнулась от благодарных слез супруга, падающих на мою слегка прикрытую кружевом грудь...

– О, Мэри Джейн! О, дорогая... Вы великолепны... Вы уже знаете? У нас мальчики. Близнецы...

Я на всякий случай бледнею и закрываю глаза...

Через девять месяцев у нас снова сюрприз: тройня!

...К возвращению моей подруги из кругосветного путешествия я опережаю ее по количеству детей на целых две штуки!

«Мы хотим всем рекордам наши звонкие дать имена».

Характеры у нас с дражайшим спутником жизни сильные. Мы точно знаем, как положено поступать в любой ситуации. Он исправно роняет горячие слезы на мои перси, я неизменно теряю сознание. Так что все неприятности проходят мимо.

On/off...

Впрочем, что далеко ходить. Вспомним, как наша заветная Татьяна Ларина переживала, что Онегин не ответил на ее слова любви взаимностью. Даже с горя вышла замуж за генерала. Потому что ей стало просто все равно, с кем про-

водить остаток дней. Расстроилась, понаехала в столицу из деревни, немедленно нашелся жених – и готово дело!

Сильная духом и цельная натура. А тоже – падала в обморок в соответствии с мировыми стандартами того кисейного времени. Вот точно помню, как во сне, когда она от медведя убегала, у нее все-таки получилось с обмороком, как в лучших романах того времени:

... Упала в снег; медведь проворно
Ее хватает и несет;
Она бесчувственно-покорна,
Не шевельнется, недохнет...

Да что там во сне! Татьяна и наяву «дрожала и бледнела, Когда падучая звезда По небу темному летела...»

Куда ж это все девалось? Кто это из нас вытряхнул? Куда девалось наше право тонко чувствовать и наглядно демонстрировать свои чувства?

Попробовала бы я на работе потерять сознание от слов начальства... Или просто – побледнеть и задрожать... Вот смеху-то было бы... Сразу же обвинили в неадекватности. Нет, ну когда есть на что жить, когда от работы не зависишь, бледней, оседай в бесчувствии... На руки испуганных родителей, слуг или мужа-подкаблучника. Хотя... Не знаю, остались ли такие... Может, Юлькин Вадик. Так вполне волевой деловой дядька. А в семье: «Как скажешь, Юлек...» Но это потому, что он силу ее чувствует, а не слабость...

Да!.. Приятно думать о дне вчерашнем... «у лежанки...» Жили же люди! И полагалось считаться с чувствами. Странно. Вроде жили без электричества, телефонов, Интернета, самолетов, машин и ракет... То есть – в реальной дикости. А при этом с чувствами почему-то считались. Боялись задеть, обидеть. Лишних слов боялись, лишней информации, новости: «Ах, только не сообщайте княжне Н. Н. Ее эта новость убьет».

Вот что я, интересно, должна сейчас думать, а главное, чувствовать?

Допустим, все это правда – насчет мужиков с рюкзаками, о которых рассказала затворница...

Допустим...

Приходили два мужика с ключами, причем от ворот и от дома. Я ключи не давала, естественно, никому.

Тогда – что?

Только одно. Эти ключи были у странных гостей с Юлькиных времен. Стало быть, искали они что-то у Юльки. Искали и не нашли. Дом пустой. И одного взгляда достаточно, чтобы ощутить (не просто понять, а именно почувствовать), насколько он пуст. Ну ощутили, поискали и ушли.

Все!

Выводы?

Мне лично бояться нечего. Они наверняка специально дождались, когда я отъеду. Если я здесь, у меня все: и ворота, и дом на засовах средневековых. Но надо бы поменять зам-

ки. Правда, на это денег у меня не хватит – на смену замков. Тем более – без согласования с Юлькой я все равно ни на что права не имею.

А вот добавить к имеющимся замкам один новый – почему бы и нет? Просто на всякий случай. Хотя я была уверена, что эти деятели больше не придут. Они уже все уяснили. И – не мои это гости. Пришли, увидели, что ловить тут нечего, и – прощай навеки.

Я вспомнила нашу встречу с Юлькой. Вот у кого глаз-алмаз! Как она тогда конспирировалась. А я еще про себя хихикала. Какой уж тут смех! Права она оказалась во всем. И хорошо, что успела свалить. Хорошо!

Хотя ужасно тоскливо и больно вспоминать, как весело и многолюдно было тут, в неопустошенном доме. Что мы вытворяли! И как Юлька умела всех сплотить!

И вдруг меня снова бросило в жар...

Если в дом действительно проникли чужие (пусть не ко мне, пусть из-за Юльки), то они же наверняка побывали и на кухне. А там...

8. Планы и правила

... Там было кое-что, предназначенное мной только себе.

Я впервые за всю свою жизнь оказалась в плотном одиночестве. Отчасти – не по своей воле. Если бы я осталась в городе, то каждый день встречалась бы с людьми, общалась. Но вышло так, что целый ряд жизненных обстоятельств определил мне уединение – как часть судьбы. Значит, зачем-то это надо. Я понимала, что мое одиночество – не навсегда. Но сейчас думала о том, что же я знаю о жизни. Понимаю ли в ней что-то? Вот вроде вполне взрослый человек. Сын уже совершеннолетний. Пора бы разобраться.

Пора...

Но только почему-то в разговорах с подругами мы, говоря о сорокалетних (то есть – по сути – наших ровесниках), обозначали их словом «взрослый»:

– Я вчера тут с одним дядькой общалась. Ну взрослый такой дядька, за сорок.

То есть – кто-то взрослый, но не я.

Что ж это? Недоросла? И это не вечная душевная молодость. Это – другое. Я где-то остановилась. Незаметно для себя запретила себе двигаться дальше: взрослеть, принимать решения, стремиться к переменам. Жизнь неслась мимо с положенной ей скоростью. Я стояла в стороне и наблюдала, хотя всем остальным наверняка казалось, что я активна и де-

ятельна.

Я поняла хоть что-то к своим тридцати шести? Почему-то именно теперь, в одиночестве, этот вопрос не давал мне покоя.

Я стала каждый день записывать то, что осознала за эти годы. Писала на листах бумаги, прикрепляя их магнитиком к холодильнику, чтоб были на глазах.

Мои правила и мои планы.

Я впервые всерьез о них размышляла. И, сидя неподвижно над чистым листом бумаги, впервые, пожалуй, ощущала интенсивность и динамичность существования. Получалось, что я сама приводила собственную жизнь в движение, как только начинала раздумывать о ней.

Писала исключительно для себя. Что в голову приходит, чтобы не забыть и не растерять важные мысли. Запретила себе стесняться и врать. Оказалось, что большинство бед происходит с человеком потому, что он врет сам себе. Не умеет иначе.

Быть честной с собой трудно. Пришлось это признать. Не ожидала. Но факт. Я, начав записывать свои планы и правила, не представляла, как меня будет колбасить из-за того, в чем я сама себе признавалась. Хотя, возможно, эти откровения для посторонних вообще ничего бы не значили. Но какое мне дело до посторонних, которые никогда не прочитают то, что далось мне с таким трудом?

И только сейчас, после идиотской беседы с соседкой, до меня дошло: если чужие оказались в доме, они обязательно наткнулись на мои слова, обязательно их прочитали.

Осознав это, я почему-то полностью поверила словам несчастной женщины. Мне вчера вечером показалось, что листочки мои не так, как я привыкла, висят на дверях огромного холодильного агрегата. Определенно: порядок их был нарушен. Тогда я легко, мимоходом убедила себя, что сама что-то перепутала. А кто же еще?

Оказалось, что «кто-то еще» существовал. Вернее, существовали.

... Читали... Лапали своими подлыми ручищами. Ухмылялись. Чтоб их перекрючило, кто б они ни были!

Неужели нигде на всем белом свете нет места, куда можно было бы надежно укрыться от посторонних?

Что я кому сделала?

Я поплелась в дом, чтобы подтвердить свою догадку, хотя сомнений и так практически не оставалось.

Да! Все правильно. В доме действительно побывали посторонние.

Все мои листочки располагались строго по темам: на левой створке – правила жизни, на правой – мои планы и намерения. Планы свои я развесила в порядке строгой очеред-

ности. Сейчас эта очередность была нарушена. Кому-то мало показалось просто пробежать глазами написанное. Нет! Они сняли с дверцы, прочитали, а потом развесили все как попало. Сволочи.

Копались в моих мыслях.

Да-да... Признаюсь. У меня впервые в жизни выдалась возможность остановиться, перевести дух. Я ведь, получается, никогда раньше о жизни не думала. То есть мне-то казалось, что думала – и еще как! Думала, как лучше устроить Егоркино будущее, думала, куда слетаю отдыхать, думала, чего купить, с кем повидаться... О маме думала, чтоб ее не волновать и чтобы у нее все было, что в моих силах. В последнее время думала о любви... Спрашивала себя – сбудется, нет ли.

Но только здесь, в пустом загородном доме сами собой стали приходить особые мысли. Вот про то, что прожила я уже вполне ощутимый кусок от общей выделенной мне судьбой суммы лет. И чего поняла? И чего вообще-то хочу? Может, есть такие умники, которые все время мыслят и мыслят. Я оказалась не из их числа. Даже удивилась переменам в себе. Неужели это одиночество так влияет? Непривычные мысли вертелись в голове, словно требуя особого к ним внимания.

Я стала их записывать. Это предназначалось только мне! «Некоторые мечты могут не сбыться» – вот первое, что я

написала.

Кстати, после того как я это поняла, очень полегчало. Ну да – ведь просто: сбудется только то, что мое, именно мне предназначенное. А не мое пусть отправляется сбываться к другим.

«Поменьше болтай. Болтовня никогда ни к чему хорошему не приводит».

Зачем я это написала, сейчас уже и не знаю. Это произошло в самом начале моей жизни в пустом доме. Я тогда еще ценила молчание. А мне и болтать-то не с кем. Безудержная трепотня с ежами не в счет. В разговорах важен диалог.

«Не верь тому, кто предал тебя. Смог один раз – сможет еще и еще».

Это точно, проверено. Но до чего же трудно не верить! Надежда на то, что в этот раз поверить нужно, потому что предатель больше не будет, раз попросил прощения, – вот главный враг. Она, надежда, предает многократно: и тем, что появляется, и тем, в чем убеждает.

«Врать легче, чем говорить правду. Проблема в том, что ложь невозможно запомнить. На этом попадаешься».

Чем дольше я вчитывалась в список собственных озарений, тем спокойнее становилась. Никакой интимной информации в моих записях не содержалось. Надо просто смириться.

ся с тем, что в доме побывали чужие. Юлька не зря опасалась. Они убедились, что тут ловить нечего, и больше наверняка не появятся. Мое дело – сообщить об этом визите подруге. И только.

Я мельком просмотрела и записи о собственных планах. Уже без гнева и стыда. Да, первым пунктом в списке желаний значилось – «Хочу ребенка», а вторым – «Хочу, чтобы у ребенка отцом был любимый мужчина». И третьим – «Хочу любви».

Видели? Засунули носы в чужую жизнь? Ну и флаг им в клешни! Что я теперь могу поделывать? Я ж их не звала. Так что – ладно. И не такое бывало. Случалось кое-что и более стыдное. Жизнь все равно продолжается.

Судьба моя такая. Я – человек порядка, дисциплины. И если бы все было по-моему, жила бы я себе спокойно и тихо. Но вечно случаются какие-то выкрутасы, в которые приходится влезать поневоле...

Вот эта новость с утра – зачем она мне? Только чтобы из колеи выбить.

А я не дамся.

У меня сегодня по плану и так день трудный. Мне в Москву ехать, дань с жильцов моей квартиры собирать. Потом передать деньги для Егора Макс, потом зайти к маме, позвонить от нее по скайпу Юльке, Егорке. Узнать про визу – я в Лондон собралась...

Но все это – после обеда. Сейчас по заведенному порядку

– йога.

9. Медитация

Я когда только сюда переехала, думала: начну отдыхать на природе, крепнуть-здороветь. Не ожидала, что появится новая тема: одиночество. Никогда прежде я не оставалась наедине с собой целыми днями. Все время бегом, все время что-то должна, и немедленно. Встреча за встречей, дело за делом. Да, я очень скучала по Егорке, да, совсем недавно я терзалась от никчемной и неправильной любви... Но это все пустяки по сравнению с тем, что чувствует человек, оказавшийся один.

Где-то кто-то есть. Но – не рядом. И тогда начинаешь думать о самом страшном: о смысле жизни.

Я мучаюсь, зная, что мне не с кем поговорить. Мне пусто. И правда: страшное пожелание – «чтоб тебе пусто было». И «пусто» может быть по-разному. И голодно, и холодно, и бесприютно... И – вот так. Когда все есть, но – зачем? Если не нужна никому – зачем я?

Как я мечтала остановиться! Еще в детстве, когда ехали на море... Поезд мчался сквозь леса, поля, на горизонте деревеньки виднелись. И я думала: вот здесь бы и остановиться, зажить. В такой красоте можно жить счастливо и долго-долго, ничего больше не хотеть, только любоваться полем, лесом, рекой...

Но ни разу не получилось остановиться, чтобы убедить-

ся: везде обычная жизнь, везде красота и уродство отмерены равной мерой. И главное: прекрасно там, где в душах людей ощущаются покой и равновесие.

Мне нельзя было погружаться в мысли, они уводили слишком далеко... И вот я придумала себе жесткий график: дело за делом...

Я выходила на террасу и занималась йогой до изнеможения. Все мысли после часа упражнений улетучивались. Оставались усилия, преодоление, мышечная радость.

Потом я вытягивалась на коврике, укрывалась одеялом и медитировала. Признаться, толком не понимаю до сих пор, что такое настоящая медитация. Полное отключение от мира? Уход в иные сферы? Чаще всего я расслабленно о чем-то первом попавшемся вспоминала, легко, без волнения и трепета. Бывало, даже засыпала на несколько минут. Потом, просыпаясь, некоторое время казалась себе другой, новой. Но начиная проживать свой день дальше, прежняя я вытесняла новую, и опять приходили дневные печали...

...Я уснула и на этот раз. Тревога, появившаяся после разговора с соседкой, развеялась бесследно. Мне даже сон приснился: мужчина с неясным лицом, объятие. Мужчина красивый, стройный, очень привлекательный. И я так счастлива, так сладко счастлива, что могу ему довериться, что он – знаю – не обманет, что он, как и я к нему, тянется ко мне и хочет быть со мной – просто – видеть меня, находиться рядом.

Вернулась в явь и огорчилась. Мне не хотелось верить, что

все это лишь привиделось... Он же только что был здесь, он обнимал, радовался мне. Я снова закрыла глаза и постаралась досмотреть сон. Не получилось.

Сон ушел, а состояние счастья и ожидания осталось со мной.

Я бодро вскочила и ринулась в Интернет – посмотреть, что значит мое прекрасное видение.

«Вы во сне будто обнимаете незнакомого человека – приходят гости, которых вы не ждали и никак не думали увидеть на своей территории».

– Уже приходили! – сообщила я светящемуся экрану компьютера.

Ничего себе, гости мои на опережение сработали: сначала явились, а потом сон об этом сообщил!

Посмотрела я и на то, что значил мой прекрасный незнакомец из сна сам по себе: «Если вы видите во сне красиво-го, хорошо сложенного и ловкого мужчину, это означает, что вы будете в полной мере наслаждаться жизнью и завладеете состоянием».

Все точно! Состояние ждет меня сегодня в виде ежемесячной платы за мою квартиру. И общаться с людьми предстоит – чем не наслаждение! Да будет так!

Я записала все свои московские дела в блокнотик, убралась в пустом доме (это я принципиально делала каждый день, чтобы дом чувствовал к себе внимание), зарядила стирку, собралась, ожидая обещанного сном счастья.

Подходя к своей малышке, к своему «домику на колесах», я почувствовала в сумке вибрацию телефона. «Н-р скрыт» – значилось на экране. Наверняка Егорка по скайпу звонит. Я ни на секунду не сомневалась. Потому и отозвалась сразу:

– Егорушка, что случилось?

В трубке что-то глухо щелкнуло, и незнакомый голос равнодушно, но очень внятно произнес:

– Старая карга! Жить тебе осталось – двадцать три дня!

– Вы не туда попали! – немедленно ответила я, отреагировав, как потом до меня дошло, на «старую каргу».

Телефон отключился.

Все. Вот и поговорили.

10. Почему этого не может быть никогда

– Ну, это явно не по адресу, – сказала я вслух, обращаясь к симпатичной глазастой мордахе моей машинки.

Она приветливо замигала, словно соглашаясь. Ну да, я нажала на ключ, двери открылись, фары мигнули. Но выглядело все это как диалог, как реакция на мои слова. Мне очень хотелось высказаться немедленно, поэтому я продолжала делиться с подругой-тачкой переживаниями.

– Понимаешь, день сегодня такой. Немножко сумасшедший. Сначала сумасшедшая тетенька рассказала мне про сумасшедших дядек. А теперь еще какой-то сумасшедший случайно не туда попал.

– Все у нас будет в полном порядке, – заурчала машинка. Я выехала за ворота, они закрылись. На всякий случай пришлось выйти и проверить. Все заперто. Тревожиться не о чем.

Можно было продолжать рассуждения.

– Так что вот – понимаешь? Ну с чего это мне скажут «старая карга»? Просто «карга» – ладно. Я же могу кому-то не нравиться. Даже запросто. Но вот «старая»... Это не соответствует. Совсем. Я бегаю, плаваю, загорелая вон... Морщин нет... Разве можно всерьез мне так сказать? Если только чтобы для поднятия настроения? И кому это нужно? Ну

нет у меня врагов! Нету! Какие-то, может, недоброжелатели есть. Но чтоб враги! Чтоб сказать девушке «старая карга»!

Я замолчала, проезжая наш КПП. А то еще подумают, что я не в себе. Но думать продолжала.

– Ладно. «Старая карга» – это точно ошибка. Точно – ошиблись номером. Иначе бы перезвонили. Какой-нибудь зять теще позвонил для поднятия тонуса. И пообещал ей довольно короткий срок жизни. Двадцать три дня – это мало. Это вообще ничто. Интересно, может, мне сообщить куда следует? Все-таки угроза имела место. Факты – упрямая вещь. Хотя – какие тут факты? Номер скрыт... И неизвестно, что мне на самом деле сказали. Попробуй докажи!

Кстати. По идее – насчет того, что в доме кто-то побывал, тоже ведь нужно было бы сообщить. Пусть бы хотя бы отпечатки пальцев пришли проверили. И следы... Зря я пылесосила. Надо было...

Тут уж мне стало смешно. Кто бы это отпечатки пальцев у меня снимал? Шерлок Холмс? Пришел бы такой – с лупой и доктором Ватсоном.

– Тут дело серьезное, доктор. Посмотрите! Видите эту ворсинку? Это настоящий английский твид! Здесь кто-то был в твидовом пиджаке! А кто летом в деревне носит твидовый пиджак? Только больной человек!

– На всю голову? – спросит почтительно Ватсон, занося пометки в заветный блокнот.

– Не спрашивайте меня о диагнозе, мой верный друг, –

задумчиво процедит Холмс. – Для этого у меня еще слишком мало улик. Но полагаю, что речь идет об обычной простуде. Проникшего сюда незваного гостя познабливало, вот почему он вынужден был одеться потеплее! Элементарно? А?

11. Страшный экзамен

От фантазий на тему дедукции я перескочила на мысли о Юльке. Вот с кем бы мы сейчас посмеялись!

Юлька – мое второе «я». Можем не встречаться месяцами, но если уж взаимодействуем, то всегда попадаем в десятку.

Первая наша совместная акция состоялась во время зимней сессии на первом курсе. До этого мы даже почти не общались. Мне было не до общения. Ходила себе с растущим пузом, вникала во все тонкости человеческого организма. В анатомичке в обморок не падала, в отличие от некоторых небеременных.

У Юльки в то время жизнь текла совсем по другому руслу. И вот на одном экзамене у самого свирепого профессора у Юльки, вошедшей в аудиторию, как на Голгофу, выпали все шпоры! Она их укрепляла все утро – под юбкой, в сапогах, а они взяли и нагло выпали. Причем случилось это в самом жутком месте, перед столом, на котором лежали билеты. Что было делать? Юлька недрогнувшей рукой вытянула билет и, словно ничего не замечая, проследовала в глубь аудитории для подготовки. Я как раз собиралась идти отвечать. Была у меня слабая надежда на то, что шпоры пока полежат незамеченными, а потом я осторожно задвину их под преподавский стол. Но этот номер не прошел. Экзаменатор заметил кучу

шпаргалок, когда я еще была на полпути к нему.

– Это чье?! – раздался грозный рык.

– Это мое, – ответила я неожиданно для себя.

Я взяла на себя чужую беду, совершенно не думая, зачем мне это надо. Мозг выдал единственно правильное решение гораздо быстрее, чем я его осознала.

Это потом мне сделалось понятно, почему так произошло. Все знали, что, если наш суровый профессор обнаруживал у кого-то шпаргалки, попавшемуся на преступлении испытуемому предстояла пытка: его гоняли по всем вопросам курса. И попробуй ошибись! А я – волею собственной добросовестности и отличной памяти – знала все. Ну и к тому же – слегка надеялась на сочувствие к моему пузу. Так что у меня-то мало-мальские шансы были. А вот у Юльки – никаких.

– Ну что, приступим, – грозно произнес твердокаменный профессор.

– Приступим, – азартно согласилась я.

Я отвечала на все вопросы, даже самые каверзные. Егорка пинался в животе. Его пинки заставляли меня улыбаться. Выглядела я наверняка дерзкой (многим не нравится, когда зависимый от них человек улыбается в момент испытаний). Но профессор, вопреки моим ожиданиям, мягчел и добрел от вопроса к вопросу.

Наконец он открыл мою зачетку, собираясь ставить отметку. Я очень надеялась, что это не будет неуд.

– А зачем со шпаргалками пришла? – спросил он вполне

мягким человеческим голосом.

– Да это... Это я так... Это мне вместо конспекта, для уверенности, – убежденно врала я.

– Видишь! На воре и шапка горит! Все потеряла! – потечески пожурил меня экзаменатор, выводя «отл.» и размашисто расписываясь. – Иди! И больше так не делай! Сама все можешь, зачем зря нарываться!

– Спасибо! Спасибо! Я больше никогда-никогда... – торжественно обещала я.

С чистой совестью обещала, поскольку и так шпорами никогда не пользовалась.

Интересно, что Юлька вышла из аудитории буквально через минуту после меня – с четверкой! Она бросилась ко мне обниматься и благодарить – таких героинь, как я, ей встречать в жизни не приходилось.

– Ты вышла, а он сидит, головой качает, улыбается... Вот, говорит, рожать скоро, а настоящим знаниям и предстоящие роды не помеха. Вот с кого пример надо всем брать. А меня даже по билету спрашивать не стал, спасибо ему, то есть тебе. Спросил, устроит ли меня четверка. Я плечами пожала от обалдения. А он объясняет: мол, по сравнению с предыдущей студенткой все будут выглядеть бледно, так что на пятерку лучше и не рассчитывать. Я киваю, что конечно-конечно, я согласна, не спорю. И вот!!!

Да! Повезло так повезло! Реально.

Так мы и стали подругами.

К этому времени я уже собралась разводиться. Без Юлькиной дружбы можно было бы сильно приуныть.

12. История любви

Хотя история развода – это история моего собственного упрямого идиотизма. Теперь-то я в этом себе признаюсь целиком и полностью.

А дело было так.

Первые месяцы после счастливого обретения друг друга мы с Максом, ошалелые от свалившегося на нас счастья, только и делали, что ублажались и наслаждались. Были уверены, что смысл жизни нами найден.

Помню, как сидели мы через неделю после выпускного в парке у Москва-реки с друзьями, жгли костерок, картошку пекли. Макс меня обнимал, я в полудреме слушала, как он объясняет другу, что главное – женщину своей жизни найти, тогда все становится просто и понятно. Говорил что-то про половинки и целое, про свое везение... Я слушала и во всем соглашалась. И знала, что вот придем домой и снова станем одним целым. И сейчас мы уже – одно целое. Мы же муж и жена. И друг Макса вздыхал и говорил, что нам повезло, как редко кому. Макс наклонял лицо ко мне и целовал меня. И у меня перехватывало дыхание, я сквозь дрему тянулась к нему, он гладил меня по груди. Костер трещал.

– Спит, – прошептал Макс, прижав меня к себе еще крепче. – Девочка моя.

– Повезло тебе, – повторил друг.

...Сейчас, через ужас сколько лет, я точно могу сказать: это самое лучшее воспоминание моей жизни. Кроме, конечно, рождения Егорки. Но Егорка – совсем особое переживание. А в личной моей жизни самое лучшее – это вот тот костерок у реки, моя доверчивая дремота и Макс, шепчущий «Девочка моя».

Только тогда я еще не понимала, что счастье юным дарится не навсегда. Сначала вручают тебе счастье, а потом смотрят: как ты им распорядишься. И если пренебрежешь – останешься в очень большом проигрыше.

В общем, по мере роста Егорки в моем пузе исчезала моя увлеченность всякими когда-то запретными, а ныне доступными любовными забавами. Макс это очень хорошо понимал, не обижался и ничего от меня не требовал. Он вместе со мной удивлялся тому, кто жил и копошился у меня в животе. Я была уверена в любви мужа ко мне. Я капризничала, хотела «то, не знаю что», жаловалась на все вокруг. Макс меня поддерживал и жалел. Домашних хлопот я ведать не ведала (мы же у бабушки жили). Ну практически земной рай. И, как обычно, нечистой силе очень мешает, когда кто-то счастлив и доволен своей тихой жизнью.

Я не знаю, зачем я полезла в институтскую сумку Макса. Мне там ничего не было нужно. Я никогда не рылась в чужих вещах. И главное – день был такой хороший. Макс встретил меня у института, мы вместе добрались до дома, собрались поесть, мне ужасно захотелось круглого черного

хлеба – чтоб свежего, душистого и с корочкой. И Макс, конечно, побежал, пообещав вернуться через пять минут. А я лениво потащила его сумку из прихожей в нашу комнату, – бабушка порядок любила. Она тогда еще работала, возвращалась усталая. Мне просто хотелось навести порядок. Сумка оказалась очень тяжелой. И я подумала: «Что он там такое таскает? Это же поднять невозможно!» Ну и открыла, глянула. На полном автомате. Даже без любопытства. Тупо глянула внутрь. Общие тетради, учебники, шарф, который я утром велела ему взять с собой на всякий случай... И еще – какой-то гляцевый журнал. Я уселась на диван, думала – полистаю журнальчик, пока хлеб не прибыл. Открыла и ахнула. Там такие были картинки, в этом журнале, что меня чуть не вырвало. Порно. А я никогда до этого не видела ничего подобного. И вот мой совершенно не закаленный глаз уловил то, что оскорбило меня до глубины души.

– Так вот чем он занимается! Так вот что его интересует! Я ребенка вынашиваю, а он... И это любовь?!

Какие-то такие мысли обрывочно скакали по мозговым извилинам и настойчиво стучались в мой череп. Их, эти зудящие мысли, срочно надо было воплотить в какое-то дело. А во что? Ну ясное солнце, в скандал.

И грянул бой!

– Хлеб доставил! – крикнул запыхавшийся Макс.

Я рванула в прихожую с журналом в трясущихся руках.

И через секунду нам стало не до хлеба, не до еды вообще.

Вспыхнуло такое!!! Мы до этого ни разу не ссорились, вот в чем беда. Мы не были готовы, не закалились, не учитывали болевых точек друг друга. Вернее, в той ссоре я не учитывала силы собственных слов. Я гнала Макса, приказывала ему убираться. И какими эпитетами его при этом награждала, лучше не вспоминать.

Эх... Если бы ссора эта произошла хотя бы на сытый желудок. Хотя бы после того, как мы отдохнули... Но плохое всегда случается в самый неподходящий момент.

Я обвиняла Макса в измене и разврате. Я не слышала, что он говорил в ответ. Как-то оправдывался, пытался меня успокоить.

– Уходи! – орала я, прибавляя к приказу первое подвернувшееся ругательство.

Но он не уходил. А зря. Ведь если бы ушел вовремя, пока я не успела его смертельно обидеть, мы бы потом помирились. Может быть. Кто знает. Так мне сейчас кажется. А что было бы тогда? О чем говорить...

Обычная сцена. Но для нас-то это было впервой. Я гоню – он не уходит. Я завожусь еще сильнее – он пытается успокоить и смягчить мой гнев. Я распаляюсь и говорю совершенно невозможные фразы, он пропускает мимо ушей.

И вдруг – тишина. Я крикнула очередную гадость, а он вдруг повернулся и открыл дверь.

Какое-то слово стало последним. Что-то рухнуло.

Я это почему-то сразу учуяла. И поняла, что слова –

страшные субстанции. Они могут быть камнями, пулями, пушечными ядрами. А захочешь их вернуть – они становятся воздухом, водой – чем-то текучим, что не ухватишь, не возвратишь.

Макс ушел. Я не звала вернуться, потому что считала себя смертельно обиженной. У меня перед глазами стояли эти жуткие журнальные картинки, убивающие любовь и желание быть вместе.

А он... Не знаю... Наверное, какое-то время не мог забыть поразившее его слово, которое вылетело из меня в запале.

Через несколько дней он попытался вернуться. Ничего у нас не получилось. Все покатилося – да с таким грохотом... В никуда.

Меня пытались вразумить. И бабушка, и мама, и его родители. Просили подумать о ребенке. Но разум на тот момент действовал во мне очень избирательно. Все силы рассудка направлены были только на постижение институтских дисциплин первого семестра. На остальное меня не хватило. Я ж не соображала тогда, что остальное – это и есть самое главное. Мне тогда казалось, что специальность – это на всю жизнь. А любовь – вон как: была и нету.

Жизнь потом показала, что и специальность можно поменять. А с любовью... Есть ли она вообще? Что она такое?

Долго мне потом думать над этим пришлось.

Мне-то по юности казалось, что любовь – это вечное обмирание от поцелуев, головокружение и счастье от объятий.

А если этого не стало? Значит – ошибочка вышла? Значит – все?

Ну, и я сделала умный ход: подала на развод. И что удивительно: нас развели. Без проблем и уговоров. Я-то думала, будут предлагать подумать, ставить всевозможные препятствия. Нет. Хочешь – женись, хочешь – разводишься. Простая формальность.

– Быстро ты наигралась, – заметила мама, как мне показалось, с презрением.

– У нас в роду, похоже, все женщины в личной жизни непутевые, – с горечью сообщила, узнав о разводе, бабушка.

– Как это – непутевые? Ты – непутевая? Всю жизнь с дедушкой прожила – и непутевая? Мама – непутевая? И я? Я развелась, потому что не могла больше так... В чем моя непутевость? Я что, гуляю с кем попало? – начала тогда закипать я.

– Потом поговорим. Что зря воздух сотрясать, – отказалась бабушка продолжать прения. – Родишь, тогда поговорим.

И я помнила: рожу и обязательно потребую от бабушки объяснений. Пусть ответит за свои слова.

13. Непутевые

Егорке исполнился месяц, когда тема женской непутевости нашей семьи всплыла в моей памяти.

– Ба, ты обещала рассказать, что в нас не так. Рассказывай, – потребовала я.

Егорку мы искупали, он наелся и уснул богатырским сном. Спасибо ему – любил поесть и поспать. Бессонных ночей я с сыном почти не знала.

– Да тут и рассказывать нечего. Скандалистки мы все урождаемся. Кого любим, гоним. А потом слезами умываемся и расхлебываем, чего сами заварили.

– Какая же ты скандалистка, бабуль? Ты спокойная.

– Жизнь научила, успокоила, – тяжело вздохнула бабушка. – И ты успокоишься. Куда денешься. А со мной что? Ничего особенного. Что у всех у дур бывает: не ценила своего счастья, думала, оно навсегда при мне останется. Полюбила парня. Вместе в институт поступали, вместе поступили. Дружили так хорошо. Он мне в любви объяснился. Договорились пожениться. Мама моя говорит: «Присмотритесь друг к другу, спешить нельзя. Год повстречайтесь хотя бы». Тогда так было принято. Ну, мы встречались. Ничего себе не позволяли, между прочим. Целовались – да. Остальное – ждали свадьбы. Однажды я заболела. Неделю с температурой лежала. Он забегал проводить каждый день. Ну и подружки захо-

дили. И вот институтская одна, самая близкая, говорит: «А я, представляешь, Сережку твоего вчера в кино видела. С девушкой». Я ей: «Не может быть! Он у меня был». – «Но не целый же день?» – спрашивает Нинка. «Не целый. Полчаса побыл, я боялась его заразить, уходить велела». – «Так вот он и ушел. В кино, с другой». Ну, я и поверила. Она распрощалась, я проревела весь вечер. Его велела на порог не пускать. Он ничего понять не может. Я выздоровела, пришла в институт, сказала, что мы больше не встречаемся. И чтоб не подходил. Он и так, и эдак. Письма мне писал. Другей подсылал узнать, что случилось. Я друзьям отвечала: «У него и спрашивайте, что случилось. Все он прекрасно сам знает».

Бабушка снова горестно вздохнула. Я с удивлением заметила на ее щеках красные пятна. Столько лет прошло, а она волнуется, будто вчера все случилось.

– Ба, не надо, прости. Успокойся.

– Сама кашу заварила, – повторила бабушка. – И винить некого. Тосковала я по нему сильно. Но представляла его в кино с другой, и все во мне кипело. Даже говорить об этом не могла. Потом лето настало, то да се... Как-то мне вроде полегчало. Думала, вернусь после каникул в институт, подойду к нему, заговорю сама. Очень хотелось мне все уладить. Отпустило меня то воспоминание. А что ты думаешь? Я прихожу в группу, а Нинка моя сидит с моим парнем! И хвастается: «Мы поженились!» Вот тут-то я все и поняла. Разом! А поздно уже. Не вернешь ничего. Я им счастья пожелала. А

он даже не ответил. Злой сидел, хмурый, чужой совсем.

Ну, я через полгода тоже замуж вышла. За деда твоего.

– Без любви? – ужаснулась я.

– Не знала я, что такое любовь. Понимаешь? Нравиться – нравился. Уважала я его. Он уже институт заканчивал, на самом лучшем счету был. Он мне предложение сделал, мы тут же и расписались. Мама уж ждать и приглядываться не предлагала. Потом дочка у нас родилась. Жили мы честно.

– А тот? А та твоя подруга?

– Ну, тихо-гладко поживали, добра наживали. Вроде ребенок родился тоже. Я старалась не узнавать. Даже на встречи выпускников не ходила, чтоб их там не увидеть. Болела душа. Много лет прошло, слыхом о них не слыхала. Он только во сне приходил. И во сне у нас так все было хорошо! Как наяву прямо. Он меня целовал, прижимал к себе. А я все в глаза ему смотрела и говорила: «Как хорошо, что мы вместе. Мне такой ужасный сон приснился про Нинку и про тебя!» И он смеялся в ответ, целовал меня в голову.

– Так что – Нинка твоя соврала тебе, выходит?

– Да. Соврала. Мне о нем, а ему, потом уж, обо мне.

– А как ты узнала?

– Узнала чудом. Видно, всем суждено все про себя узнать, когда время нужное настает. Это лет пять назад было. Дедушка еще жив был. Я пошла в больницу, знакомую навестить. А он спускается по лестнице. Увидел меня и остановился как вкопанный. И я стою. А сама – так бы и полетела

к нему. Как во сне. «Здравствуй, Таша!» – он мне. «Здравствуй, Сереженька! Кто у тебя тут?» – «Нина, – отвечает, – рак у нее». Мы отошли с ним, сели на скамеечку и тут уж наговорились... За всю прошедшую жизнь. Он спросил, могу ли я ему сейчас объяснить, что тогда между нами произошло, для него это очень важно. Я рассказала все, как было. Он говорит: «А мне она потом сказала, что у тебя кто-то другой появился. Очень я на тебя обиделся тогда. А она меня поддерживала. Успокаивала. Ну, я и предложил жениться. Назло тебе. Но знаешь, я потом, через много лет, сон увидел. Про тебя. И ты во сне мне про Нину все рассказала. Вот так, как сейчас». – «И я тебя во сне вижу, – говорю ему. – Дура я была малолетняя. Тебе не поверила, а хитрой разлучнице поверила». – «Знаешь, – Сережа мне говорит, – а она мне только что во всем призналась. Покаялась. Страдает она сильно сейчас. И вот я иду и мечтаю с тобой свидеться и поговорить. И – вижу: ты навстречу поднимаешься. Чудо, да?» Так мы и горевали с ним... Она у него скоро скончалась. Теперь говорить не о чем. Только о непутевости своей.

– Так в чем непутевость, бабуль?

– Не по своему пути жизнь прошла. Вот в чем.

– А нас бы не было? Мама, меня.

– Были бы. Другие, но были бы. Да о чем говорить – «бы» не считается.

– А теперь? Вы с ним общаетесь?

– Общаемся. Куда ж мы денемся? А тех лет не вернуть.

Главное-то я у себя украла.

И тут я заинтересовалась мамой.

– А мама в чем непутевая? Что за старика вышла?

Папа мой был старше мамы на сорок пять лет! Я родилась фактически от пенсионера. Папе исполнилось аж шестьдесят шесть лет, когда я у родителей появилась. Почему-то для меня это было в детстве большой проблемой. Я стеснялась отца. Хотя – чего стесняться? Доктор наук, профессор, к тому же еще и академик. Тут гордиться надо. А вот я завидовала девочкам из класса, когда за ними приходили «нормальные», молодые отцы, хватали их на руки, бегом бежали на автобус. Здоровые, сильные, несерьезные.

Папа мой был замечательный: умный, тактичный. Разговаривал со мной обо всем, мы дружили. И я очень-очень его любила. Только одного мне не хотелось: чтоб подружки мои его видели. Такой комплекс. А жили мама с папой очень хорошо. Уважали друг друга, заботились. И – смешно сказать – были друг с другом на «вы». «Анатолий Константинович, я сегодня задержусь, у нас заседание кафедры. Обед в холодильнике, только разогреть. Майка стол накроет». Вот так общались. Жаль только, дожил папочка лишь до моих четырнадцати лет. Вроде был крепкий, ни на что не жаловался, не болел, много работал, лекции читал, книги выпускал. Но однажды лег спать и не проснулся. Легкая смерть очень хорошего человека. Так все время повторяла мама.

У мамы все складывалось в личной жизни образцово, ес-

ли возраста папиного не считать. Но любви же все возрасты покорны, чего? А такой семьи, как наша, я больше не встречала – чтоб все шло мирно, уважительно, без ссор, дружно...

– О маме у мамы и спрашивай, – отрезала бабушка. – Я тебе о себе рассказала. И на тебя вот гляжу, какая ты дура. Вполне хватает и нас с тобой. Нет, скажешь?

Нет, тогда я дурой себя не чувствовала. Просто ни в какую не собиралась признавать свою глупость. Получилось, как получилось. Егорка родился – чудо наше общее.

Вообще-то я, когда регистрировать его пошла, хотела Макса в отцы не записывать. Да, вот такая была на него обида. Раз он меня променял на этих грязных тварей из журнала, пусть с ними и детей рожает. А к сыну моему отношения иметь я ему не дам. Так я думала. И хотела в графе «отец» поставить прочерк. Но, оказывается, раз ребенок наметился, когда мы были в браке, я должна или записать отцом своего тогдашнего мужа, или же привести другого мужчину, который подтвердит, что отцом является именно он. Работница загса пристально смотрела на меня, ожидая моего решения. Я упрямо молчала.

– Развелись-то как быстро. Как за сметаной сходили, – заметила она, словно про себя. – Загулял он, что ли?

– Почему загулял обязательно? – окрысилась я.

– Да они все, молодые, как обниматься-целоваться – всегда готовы, а как жене нельзя, потому как на сносях она, так и срываются... По молодости...

– Не было ничего такого, никто не срывался. Вышло так.

– Ну так и пишите отца отцом. Что ж тут думать? Мало ли, какие обиды бывают? Сын имеет право на собственного отца. Вам бы хотелось, чтоб с вами так поступили?

Спасибо этой умной женщине. Вразумила она меня. Я точно знала, что не хотела бы иметь в свидетельстве о рождении прочерк. Не хотела бы не знать своего папу. Нет. Это мое право.

Значит, и у Егорки есть точно такое же право – знать своего отца. И стал мой сын Егором Максимовым. А я так и осталась при своей девичьей фамилии – Павловская. Не хотелось менять в память о папе.

Макс оказался замечательным отцом. Он учился, подрабатывал, прибегал купать Егорку, гулял с ним почти каждый день.

Я могла обижаться тысячу раз, но первое Егоркино слово было «папа». Да, так бывает. Вот сын начал с папы. Хотя бабушка, ушедшая ради Егорки на пенсию, сидела с ним больше всех. Я радовалась, что ребенок дался мне так легко: есть с кем оставить, можно спокойно учиться, сидеть в библиотеке, если надо. Егорка не пугал нас болезнями. Спокойный, обстоятельный, смешливый – он был источником радости и бодрости. Я могла и в театр, и в кино, и в гости отпроситься – всегда пожалуйста.

Это потом, когда он стал подростком, вдруг затосковала я по его младенчеству, детству, которым не надышалась, не на-

сладилась сполна. Во мне самой детство еще гуляло, мне все вырваться хотелось, использовать свое время на себя. Недогуляла. И сын так быстро вырос, так неожиданно быстро. А потом подвернулась эта Англия. И мы все вместе на семейном совете решили, что Егору ехать надо, что тут непонятно что происходит. Пусть у него будет возможность выбора, диплом, который признают в любой стране мира...

И у меня не осталось никого. Только воспоминания. Когда-то рядом был сын. Когда-то я была ему нужна. А сейчас? А сейчас я одна. И нужна ли кому?

Старая карга...

Точно ведь сказано!

Раз сыну восемнадцать, значит – не юная дева. Сколько они там пообещали мне дней? Двадцать три? Почему именно столько? Бывают же идиоты! Это, наверное, зять теще звонил. «Мимо тещино дома я без шуток не хожу...» Кто бы еще такую злость на каргу имел?

Я вспомнила частушку про тещу целиком и заулыбалась.

14. Наши с Юлькой приключения

Частушки у меня всегда ассоциировались с Юлькой. Собирались мы у нее вот в этом самом загородном доме, который сейчас стал моим спасительным пристанищем, и веселились как могли.

Мы с ней в паре добивались невероятных, непредсказуемых результатов. Вот взять сравнительно недавние события, когда вдруг проявилась необычайная активность наших бывших однокурсников. Всем захотелось собраться и оторваться, как в старые добрые времена. Собственно, я «отрываться» смогла себе позволить примерно к пятому курсу. Но навык у меня отсутствовал, так что всерьез меня никто не принимал. Я была для всех «Майка, которая всегда готова к любому экзамену» и еще «самая молодая мамаша».

Во всевозможных сетях списались, назначили встречу в ресторане, активисты арендовали зал.

Мы с Юлькой решили пойти и сразить всех наповал. Мы, по нашему замыслу, должны были доказать своим видом, каких высот достигли, какими стали успешными и прекрасными, в отличие от бывших первых красавиц курса, погрязших в своих счастливых замужествах, детских памперсах и работе участковыми терапевтами и специалистами. На фотках в Интернете все выглядели процветающими, но слишком разморделыми и плохо узнаваемыми, что настораживало и вну-

шало надежду на то, что именно мы станем королевами бала выпускников.

Юлька намеревалась сразить всех своей ухоженностью и лоском. Подруга моя увлекалась чтением глянцевого журналов и фанатично следовала их советам. «10 правил успешной женщины» или «20 шагов к вечной молодости» и все такое... Там обязательно одним из пунктов стоит: «Посещай салоны красоты. Это не только поможет тебе выглядеть еще красивее, но и зарядит оптимизмом на всю неделю».

Естественно, перед таким важным мероприятием Юлька записалась в новый итало-французский бьюти-салон, реклама которого на каждом шагу попадалась на глаза.

– Дорого! – гордо сообщила Юлька, – Экстремально дорого! Нечеловечески. Но на один раз, ради такого случая – можно пожертвовать.

Она решила сделать чистку, пилинг и все остальное, что к этому полагается. А потом лучший визажист салона создаст Юльке такой «ню лук» – все рухнут, ослепленные.

Меня интересовало другое. Мне хотелось продемонстрировать свою стройность. Ведь стройной меня никто не видел. Сначала беременная, потом кормящая, потом не очень заботящаяся о своей форме... И так скучать не приходилось, какая там форма...

Я очень похудела уже после окончания института. Правда, мне все казалось, что несколько кг сбросить бы не помешало. В каких-то определенных проблемных зонах.

Делая ставку на дивную фигуру, я купила утягивающее белье (боди в виде наряда для борцов начала XX века – штаны до колен, утянутая талия, лифчик, поднимающий грудь, без лямок – ни одного шовчика, гладкое тело, как у дельфина) и облегающее платье в пол. Натянула дома свои обновы и час стояла перед зеркалом, не в силах глаз оторвать от безукоризненной стройности элегантного отражения. Это была не я. Это была мечта обо мне. Картина в раме.

Подкрашиваться я особо не собиралась, только ресницы чуть-чуть. Волосы вымыть и распустить – пусть струятся по спине, завораживая блеском и силой здоровья. Главное – фигура: смотрите, если от зависти не ослепнете.

Мы договорились подъехать на полчаса позже назначенного времени. К тому моменту соберутся уже практически все. Не заметить нас не получится. Фурор обеспечен.

Все прошло, как и было задумано. Я просеменила в зал походкой вышколенной японской гейши: платье не давало возможности шагать привычными широкими шагами, к тому же туфли на платформе и семнадцатисантиметровых каблуках, украшая меня безмерно, отнимали при этом последнюю надежду уверенно держаться на ногах.

У входа стоял нанятый фотограф, запечатлевавший каждого участника встречи – на долгую память. Я застыла в позе модели на подиуме. Из глубины зала раздались бурные аплодисменты. Это был мой момент славы.

И тут за моей спиной возникла Юлька, потрясающе оде-

тая, авангардно причесанная, с довольно ярким, хоть и припудренным синяком под глазом и небольшим пластырем на подбородке. Пластырь, правда, был почти прозрачным и издалека его можно было не разглядеть.

Я застыла. Нас сфотографировали вместе. Потом Юльку в отдельности. Она просила снимать ее только в профиль. И надо признать: та половина Юлькиного лица, что без синяка и почти без пластыря, выглядела просто роскошно, звездно, гламурно.

– Ты чего? – спросила я, осторожно семеня к столу под заинтересованными взглядами свидетелей нашей юности, а теперь вот и нынешнего буйного цветения.

– В салоне красоты чистку сделала...

– Ничего себе – французские мастера.

– Она сказала: у меня сосуды...

– Француженка?

– Да вроде нет.

– Итальянка.

– Сказала, живет в Италии двадцать лет. Из Днепропетровска.

– Круть! Это у тебя сосуды, значит, сами, как ее учуяли, так и...

– Не трави душу. Не сами. Во время чистки. Будь она неладна. Но они очень извинялись. Дали мне купон на бесплатное посещение. Хочешь?

Я улыбнулась.

Мне ничего не оставалось, как загадочно улыбаться, переставлять стройнейшие ноги, крепко вцепившись в Юльку, и – стараться поддерживать новое дико облегающее платье. Потому что оно, как оказалось, обладало собственным ярко выраженным характером. Оно упрямо стремилось вверх. Ему хотелось с бедер попасть на талию и там уже спокойно залечь упругими складками. Одновременно с этим неуклонным процессом свой норов показало и утягивающее белье. Оно, в отличие от платья, неумолимо повлеклось вниз, потихоньку сползая с груди, и, как мне отчетливо показалось, на талии останавливаться не собиралось. Шестое чувство мне подсказывало, что утягивающее боди остановится где-то в районе колен.

В критических ситуациях человек быстро осознает главные свои цели. Первой целью стал для меня стул. Мне хотелось посидеть и немножко отдохнуть от необузданного стремления моей одежды к движению. Кроме того, туфли тоже являлись источником повышенной опасности: я запросто могла с них сверзиться и что-то себе сломать: ногу, руку, ребро... Много чего можно запросто сломать, вышагивая в такой обуви.

Я живо представила, как падаю. При этом вылетаю, как пробка от шампанского, из платья и из боди. То есть платье – чпок – и взмывает к груди, а боди – вжик – и стягивается у колен.

Страшная картина.

Итак, прежде всего мне хотелось усесться и перевести дух. Второй целью я обозначила посещение туалета. Там я собиралась стянуть с себя проклятое боди. Пусть я останусь под платьем голой – этого никто может и не заметить. А вот утягивающее белье, сползшее к коленям, не заметить будет невозможно. Одно платье я уж как-нибудь удержу. Но без боди.

– Ты чего такая напряженная? – спросила Юлька, когда мы наконец уселись.

– Потом скажу, – пообещала я.

Ситуация создалась точно такая, как на первом курсе. Все вились вокруг нашей главной красавицы Мининой. Хотя никакая она уже не красавица. Обычная мать и жена. Нарядилась, хохочет, на щеках ямочки. Щебечет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.